

Введение

Образ университета

Задача университета заключается в поиске истины в сообществе исследователей и студентов.

Университет является тем местом, в котором должно быть раскрыто самое светлое сознание эпохи. Там, в лице преподавателей и студентов, должны собираться люди, профессия которых состоит в ничем не ограниченном постижении истины как таковой, во имя самой истины. То, что где-то имеет место ничем не обусловленное изыскание истины, является претензией человека как человека.

Общество и государство возвысили свои университеты. Они охраняют их так, словно те являются независимыми от них образованиями. Они верят в ответственность представителей университетов, на выбор которых — правдивых и одаренных идеями и энтузиазмом людей — отдано все. В государствах, стремящихся жить по истине, не имеет никакой ценности жизнь, основанная на лжи. Эти государства видят в истине наибольшую пользу для собственной стабильности. И так как народы стремятся найти в истине собственное основание, а истина наличествует не только в законченных результатах, возникает необходимость в университетах, в рамках которых во всевозможных направлениях прокладываются пути истины теми людьми, энергия которых в полной мере направлена на это.

Университет — это не просто школа, а своеобразная школа. В ней необходимо не только преподавать, а профессора должны научить студента участвовать в исследованиях и, таким образом, достигать научного способа мышления, определяющего его жизнь. В соответствии с идеей университета студенты должны отвечать за самих себя. Они должны следовать за своими учителями критически. Их учебе присуща свобода. Задача профессора — посредством науки транслировать истину. Профессор при этом также обладает свободой преподавания.

Университеты — это корпорации, отвечающие за самих себя независимо от того, получили они свои официальные полномочия с помощью папской буллы, императорского учредительного письма, или земельного акта, или, как это происходит сегодня, — в соответствии с конституцией. Они могут вести свой независимый образ жизни, потому что этого желают основатели университета. Их независимое от государства существование проистекает из непреходящей идеи, из идеи, имеющей надгосударственный, наднациональный и всеобъемлющий характер. Отсюда возникает и предоставляется им претензия на свободу исследования и процесса обучения. Это значит: университеты должны разыскивать истину и обучать независимо от пожеланий и предписаний, которыми стремятся их ограничить извне или изнутри.

Государство и общество заботятся об университете. Во-первых, потому, что там закладываются основы для будущего применения про-

фессиональных знаний, которое требует навыков ученого и образования духа. То, что изыскание истины, воплощенное как в достижениях наук, так и в выработке способа мышления того человека, который прошел сквозь горнило университета, имеет желаемые следствия для применения данных профессиональных знаний, является предпосылкой, лишь изредка подвергаемой сомнению. Но даже в случае сомнения по этому поводу — в каком бы то ни было смысле — бесценной остается основополагающее устремление человека к безграничному поиску истины любой ценой. Потому что только такой поиск дает ему возможность найти свой смысл в опыте существования (Dasein). Таким образом, университет — это учреждение с реальными целями, которые будут достигнуты соответствующим образом только в результате возвышения духа, выходящего за пределы всякой реальности для того, чтобы вернуться к ней более ясным и непоколебимым.

Такой образ университета поставлен сегодня под вопрос. Реальность сегодняшних высших школ, непостижимая беспомощность, присущая им, ставшим необузданными, действиям, ведет к следующим вопросам: не является ли сегодня этот образ фикцией? Если истоком и целью университета должна быть истина, то что такое истина? Если временное осуществление поисков истины лежит на плечах государства, не ставит ли государство совершенно иные цели этим поискам? Рассчитаны ли реформы в ситуации беспорядка фактически на внешние мероприятия для преодоления хотя бы поверхностного хаоса? Возможно ли, что действительная реформа будет проведена только на основе духовного возрождения, которое никто не в состоянии осуществить? Возможно ли такое необходимое возрождение? Может быть, оно уже и происходит, хотя и рассредоточено, в каждом отдельном человеке?

1. Ситуация сегодня

а) Аспекты

Можно перечислить коротко те много раз обсуждавшиеся аспекты, которые сегодня характеризуют университет:

1. Экономика, общество и государство нуждаются в академически обученных силах. Эта потребность постоянно росла и продолжает возрастать дальше. Тенденция современного человеческого существования (Dasein) такова, что почти все виды деятельности требуют знаний, преподающих школу, и умений, которые не могут быть приобретены только кустарным способом или на практике.

Поскольку эти осмысленные претензии предъявляются одновременно и массой студентов, их тяжесть распределяется между дошедшими до нас научными областями. Масштабом (важным является то, что служит всеобщности) при этом очевидным образом становятся непосредственная польза и качество. Новые научные дисциплины (как, например, экономика и организация производства) возникают самостоятельно из практических потребностей. Они весьма обстоятельно изучаются, хотя в этих областях и отсутствуют исследователи и ученые, которым присущ дух науки. Другие науки, ценные своим содержанием, не принимаются в расчет, так как в их случае отсутствует или еще не обнаружилась практическая потребность, и только некоторые студенты обращаются к

ним (египтология, индология, синология). Другие, некогда авторитетные науки отступают на задний план (классическая филология).

2. Само непрерывное развитие наук привело к дальнейшей специализации и вместе с ней — к чрезвычайному увеличению числа предметов. Это лежит в природе вещей, является неизбежным и необратимым для научного исследования. Если даже непосредственное наблюдение показывает, что налицо тенденция не только к специализации, но и к сопутствующему ей ограничению горизонта и к варварству в научном отношении в целом, то специализация ни в коем случае не является необходимостью. Она зависит от желания каждого в отдельности.

Со специализацией сегодня, в техническую эпоху, связано чрезмерное увеличение материальных средств, служащих научному исследованию. Это имеет место преимущественно в естественных, в котором финансовые претензии достигли фантастических размеров в сравнении с прежними временами. Однако практически во всех других науках происходит нечто подобное. Обучение вместе с научным исследованием включается в работу института. То, что раньше было деятельностью ученого в маленьких помещениях, приобрело сегодня форму промышленного предприятия. Вместе с этим произошло изменение структуры режима работы, которое настолько преобразило всю жизнь исследователей и студентов, что старое устройство университета оказалось выхолощенным изнутри: "Изнутри, как и снаружи, старое устройство университета сделалось фиктивным" (М. Вебер. Наука как профессия. 1919). Но дело тем самым не было решено окончательно. То, что стало фиктивным в качестве определенного явления, могло бы из своего истока в новой форме средоточия действия возродить университет.

3. Сознание сплоченности в одном единственном общем духе, сознание идеи университета исчезает. Университет превращается в агрегат средних специальных учебных заведений, чья универсальность пока еще состоит в том, чтобы в полной мере охватывать все эти учебные заведения, чего она тем не менее ни в коем случае не реализует. В такой ситуации, по-видимому, университету уже больше нечего терять, даже если эти учебные заведения будут пространственно разделены, а университет окажется брошенным на произвол судьбы.

Если сегодня еще риторически подчеркивается единство университета, то единство наук как идея и как действительность становится все более слабым. При этом только это единство наук может придавать собственную силу единству университета. Тем не менее причина данного современного явления лежит ни в коем случае не в природе вещей, а в рассеянности исследователей, ученых, мыслителей. Их духовные акты, достигаемые при всеохватывающей (umgreifende) концентрации, могли бы снова сделать действительной силу единства.

4. Прилив масс в университеты усложняет процесс обучения недостатком помещений, недостаточным числом доцентов, недостатком удовлетворяющих средств обучения: студенты остаются неудовлетворенными, доценты же перегружены настолько, что парализуется их исследовательская деятельность.

Наличие большой массы студентов ослабляет возможности солидаризирующего объединения в процессе обучения. Оно отделяет студентов от профессоров. Оно приносит с собой порядки, которые нивели-

руют и усложняют индивидуальный учебный процесс.

Масса приспособляется к учебным занятиям. Менее одаренные отстают. Одаренные подвергаются духовному насилию, когда их вынуждают принимать участие в учебных занятиях, которые для них скучны и целей которых они могли бы достичь лучше и намного быстрее в процессе самостоятельного обучения. Давление большинства имеет успех. Меньшинство же подчинено принуждению к обучающим курсам, в которых оно не нуждается, к разнообразию, потере времени, приспособлению к сообразительности и интересам посредственностей. Масса ставит все на один уровень. Единицы из меньшинства подозреваются в асоциальности, когда посредством самостоятельности и тихой страсти, присущей их собственной учебе, они своим существованием доказывают то, во что не хочет верить посредственность.

Отчасти проблема массы должна быть внешне решена с помощью увеличения количества мест профессоров и доцентов, с помощью увеличения количества университетов. Однако при этом необходимо чрезвычайное напряжение духовных сил немногих и их веры в истину дела, для того чтобы из своего центра распространиться фактически на всю эту массу и вести ее за собой. Структура университета, к которой должна привести реформа, может всего лишь создать для этого условия.

5. Прежде само собой разумеющееся ежемесячное финансовое обеспечение студентов родителями в значительной мере прекратилось, потому что больше не существует широкого состоятельного среднего слоя, из которого раньше выходили почти все студенты и доценты. Таким образом, появилась необходимость в большом объеме государственной помощи одаренному подрастающему поколению. Это имеет свои последствия для студенческого самосознания, для свободы занятий, для настроения в процессе учебы. Но это не принуждает к отказу от идеи.

6. В целом нельзя отрицать падения индивидуального уровня знаний студентов и доцентов в течение более чем ста лет, и еще более интенсивного — в последние полстолетия. Если думать в этой связи о скрытом и полном тайн процессе утраты человеческим бытием субстанциональности, то тем самым не удастся ничего прояснить.

Можно размышлять социологически: студенты в своем большинстве не наследуют более духовного мира семейных традиций. Школьный уровень их образования в большинстве случаев оказывается низким. Подготовка не является единообразной и не имеет силы для создания совместной духовной атмосферы.

Студенты такого происхождения нередко нуждаются в руководстве в жизни и в непрерывных консультациях в процессе учебы. Консультанты же, перегруженные профессора, сами нуждаются в консультации, чтобы суметь справиться с индивидуальными ситуациями и ситуациями современной растерянности. Всеобщая беспомощность скрывается за обманчивой формой, как будто бы ее и не существовало и как будто бы она устранилась имеющимся опытным Советом. Правда, реальные система информации, биржи труда и тому подобные институты являются сегодня чрезвычайно полезными и незаменимыми. Но они не дают советов относительно самого образа жизни и присущего ему истинного, изначально духовного процесса обучения.

(...)

б) Решение университета

В противоположность всем этим аспектам, которые выявляются как неизбежные природные и исторические процессы, действительно определяющим является способность человека принимать решения. Как в политике возможно принятие решений, предположительно необходимых для нас, подчиняющее нас совершающемуся без нас процессу разрушения, точно так же от нас зависит не согласиться ни на атомную смерть, ни на конец в рамках тотального господства; в таком случае в силах университета оказывается, в ситуации частичной неизбежности, реализовать формообразующую силу идеи.

Такое решение будет совместным решением студентов, профессоров, государственных деятелей.

Студент находится в начале своего жизненного пути, хочет заложить основания его первоначала и несет на себе вместе со своим будущим народом и государством, к которому он себя подготавливает. Когда он приходит в университет, то в сумятице и суете ему все-таки светят огни духа, если он способен их воспринять и зажечь в своей душе. Тот, кто не утратил способности суждения, а это значит, тот, кто постоянно работает под своим собственным духовным руководством, которое в качестве такового обнаруживает себя в самих вещах, имеет шансы безошибочно найти свой путь даже в самых неблагоприятных условиях.

Если студент не удовлетворен университетом, он прав. Но единственная возможность для него улучшить сложившееся положение — это самому участвовать в создании действительности истинного университета: как характером своей учебы, так и настойчивой работой и своим, пронизанным этой работой духовным бытием. Только из таких студентов могут вырасти люди, задействованные во всех профессиях и руководствующиеся идеей истины, и среди них однажды — профессора, благодаря которым снова появится истинный университет. Они одни выведут себя из состояния растерянности.

Так было всегда. Ничего не происходит само собой, просто в ходе истории; такой процесс выглядел бы как шифр чего-то нераспознанного, делающего ощутимой границу человека, в чем, однако, из-за незнакомства с ним невозможно ориентироваться. Ничего не получится, с другой стороны, в результате организации, следующей некоему плану. Такой план выступает действенным средством только в руках того, кто сам уже, полный сил, несет в себе идею университета.

Еще раз: определяющим является принятие решений, которое вместе с постановкой задачи закладывает основание собственной жизни — искать истину на путях науки.

Студент несет ответственность прежде всего за самого себя. Совсем по-другому обстоит дело с доцентом, который уже непосредственно активно отвечает за целое, отвечая не только за самого себя. Профессора и государственные деятели должны в данный момент, в состоянии совершенно не удовлетворительном и не стабильном, с помощью реформ создать условия для наилучшего из возможных решения задачи. Если им удастся установить целесообразные учреждения и порядки, то при этом они должны постоянно думать о собственном смысле университета и

стремиться к нему — к университету как месту, в котором должна быть всесторонне открыта и одновременно всеми студентами достигнута истина. Это, однако, является чем-то превосходящим реформы, тем, для чего реформа должна служить, — постоянное возрождение потребности истины для ученых, исследователей, мыслителей. То, что такая задача находится в центре университета, как сам университет в целом находится в центре духовного образования народа, является руководящей идеей, в противном же случае реформы в целом превратятся в производство, в котором сами университеты окажутся потерянными.

Мы находимся в море, которое предвещает еще более опасные штормы. Нам нужен штурвал для этого целого (для того, чтобы принять решение, направленное на истину). Но мы каждое мгновение должны заботиться о ближайшем окружающем мире, которому мы на нашем корабле, несмотря на опасности в пути, придаем форму. И в университете можно воспользоваться передышкой, чтобы подумать, поработать, действовать так, чтобы мы могли самоутвердиться и в соответствии с его сущностью устремиться к тем, кто связан с нами, чтобы, свободно с ними солидаризуясь, совместно выстоять в этом великом путешествии.

Вместе с ними мы хотим почувствовать штурвал. Для этого в качестве первой предпосылки необходимо *одно*: неизменный исток.

2. Остающийся неизменным исток: истина и наука

Что такое истина, нельзя так просто ответить. Это открывается в ходе жизни университета, не принимая завершенного вида. Но когда речь идет о науке, создается впечатление, что каждому известно, о чем идет речь (как если бы, к примеру, Конституция Германии содержала определение: "Искусство и наука, исследование и учеба — свободны"). То, о чем идет речь, нуждается, казалось бы, в конституционной защите и в использовании организациями, и в таком случае оно будет развернуто.

Однако дело обстоит иначе. Только в непрерывном движении и одновременно при постановке его самого под вопрос, и вместе с критикой любой принятой позиции обнаруживается, что такое истина. Если человек постигает науки как какой-то момент обнаружения истины, то он вовсе не нуждается заранее в знании и никогда не будет окончательно знать, что такое истина и наука в целом. Достаточно быть захваченным ими.

Нечто, что становится понятным не исходя из общества или государства, а только исходя из изначального стремления к истине, — это сверхрациональное, западноевропейское, человеческое, которому служит университет, так что одновременно с этим решаются и все другие, относящиеся к государству и обществу задачи. Осуществиться университет может только исходя из изначального стремления к истине, если того хотят общество и государство.

Сущность этого истока, действительность которого так живо засвидетельствована в нас, по-разному мыслилась философией в течение тысячелетий, и не раз предпринимались попытки высказать ее. По меньшей мере неверно понятным обнаруживаем мы этот исток, пожалуй, в кантовской "идее"; затем — далеким от нас и только еще нуждающимся в истолковании, однако окрыляющим — у Платона; представленным двой-

ственно и, таким образом, обольщающе — у Фихте, Шеллинга, Гегеля (хотя и отличающихся друг от друга, но пребывающих в рамках радикально отдаленного от Канта “идеализма”). Если таким образом философски и в определенных формах выражаются изначальное стремление к знанию (Wissenwollen), единство познания, принцип истины, всеохватывающая и пронизывающая все идея, то такие толкования не могут сами быть значимыми на все времена в качестве объективного знания, результирующего из познания. Посредством своей спекулятивной силы и с помощью определенных формулировок они могут разбудить то, что само даст такие объективации в качестве предположительно узнанного (Gewusstsein).

Практически действенным мы видим этот исток в силе суждения тех редких людей, которые, исходя в своем мышлении из этого пространства, охватывают, предлагают и реализуют простые основополагающие линии, служащие конкретизации структуры университета. Это делал Вильгельм фон Гумбольдт в своих размышлениях и административных актах при основании Берлинского университета.

Предпосылкой всякой существенной деятельности в университете, осуществляемой посредством исследований обучающихся и обучаемых (и отдельных проводящих реформы профессоров, и государственных деятелей), является идея самой истины, приходящая откуда-то из другого места. Она одна придает серьезность всему происходящему в университете. Она одна задает масштаб, который не является соразмерным пониманию, строго установленным понятием, а находится в движении, охватывающем любой смысл бытия истины.

Некоторые из молодых людей, приходящих в университет, воодушевленные энтузиазмом разума, мощью истины, идеей, которую они прозревают, переступают порог университета с настроением, приподнимающим их над атмосферой повседневности. Особенно там, где явным является исторический фундамент с видимыми постройками и приметами прошлого, за рассудительностью студента оказывается скрытым сознание того, что он вступил в святое место. В этом месте он ожидает услышать голос истины, который доходит до него из всех времен, начиная с греков и кончая, в большом количестве, современными науками.

Если бы реальность выглядела иначе, чем это описание, если бы университет был полезной школой, стремящейся к получению неких прав с помощью экзаменов, если бы он был крайне профанным, предприимчивым, распыленным и обремененным ворохом стесняющих формальностей, — существования такого рода реальности невозможно было бы допустить. Но только те, кто не подготовлен и не воспламенен искрами истины, не видят ничего, кроме этого. Все остальные приходят в университет в ожидании какого-то высокого авторитета. Они не дадут себя обмануть посредством навязываемого им реальному переднего плана. Они находят то, что ищут посредством своих собственных действий, посредством способа своей учебы, посредством полноты предложенных им средств. Возможно, они находят это тут и там в профессорах, чье конкретное существование (Dasein), исследования, представление, язык притягивает их и подтверждает им то, что они ищут. Если же они не узнают всего этого, то в их жизни оно все же будет присутствовать в результате их самостоятельного начинания. И они станут — профессора-

ми, не ругая сильно последних, безмолвно глядя на них с требованием: спасите идею вашей сущности, которая могла бы быть образцом для нас.

В этом сила такого истока: он имеет место, если искра вспыхнула и не может потухнуть. В этом его слабость: где его вообще нет, его ничто не может вызвать к жизни. Но он скрыт в человеке как человек, уже воспламенен в нем, и в гораздо большем количестве людей, чем это может показаться. В атмосфере действительного духа он обретает мощь света. То, что это действительно так, базируется на вере в человека. Без такой веры у университета, а вместе с ним — и у истины, и у свободы, — не было бы никаких шансов на существование. (...)

3. Историческое осуществление: университет и государство

а) Значение существа воспитания вообще

Существование университета возможно благодаря государству, которому университет служит. Но из-за надгосударственного происхождения идеи университета университет не может обрести своей полноты, служа государству.

С точки зрения государства университет в качестве института выполняет какую-то часть деятельности государства наряду с бесчисленным множеством всех других частей. Он подчинен целям государства: его выгодам, обучению специалистов для общества, необходимому знанию о технической применимости естествознания вплоть до выдачи юридических и политических рекомендаций.

С точки зрения университета он сам является независимым, не имеющим целей познанием в рамках всевозможных осуществлений истины. Он является кооперирующим и противоборствующим движением его членов с точки зрения целого и всеобщего. Он силен там, где он обретает форму самого ясного сознания, в качестве духовно активного зеркала универсума вещей. В собственном существовании (Existenz) он как бы идентичен с целым. Он видит свою собственную судьбу в судьбе целого и снова узнает себя в ней, когда излучает на него силу просветительской установки.

В реальности же университет и государство невозможны друг без друга. Естественным для счастливого существования обоих является совпадение интересов государства с целью идеи университета. Государство хочет, чтобы университет жил исходя из своего надгосударственного вечного истока. Государство дает университету его собственное, свободное от государства пространство и охраняет его в этом пространстве. Университет же в ответ на это рассматривает государство, которому он служит, с точки зрения того, как оно реализует смысла свободы и насколько оно идет путем свободы. И университет, и государство признают свой общий исток.

В таком случае университет вместе со всем существом воспитания представляет для государства наивысший интерес в его внутренней политике, так как речь идет об этическом будущем собственного народа, связанном с истиной. То, что происходит в университете, оказывает влияние на длительный срок, позитивно или негативно, на все население. То, что делается в этой сфере с помощью управления, поддержки и ограничения, обнаруживает свое влияние только через поколения. Мы

наслаждаемся следствиями прежних духовных образований, удачных учреждений и решений и несем на себе последствия прежних государственных упущений и неверных (неправомерных) вмешательств, инициаторов которых мы не можем больше привлечь к ответу. Но история делает их ответственными на все времена.

Если же государство совсем растеряло себя на случайные сиюминутные цели, размышляет только над непосредственно дающими о себе знать видимыми эффектами, если оно под гнетом настоящего момента не интересуется, собственно, более отдаленным будущим, если оно управляет, отказавшись от высокой ответственности государственного деятеля за внутреннюю жизнь собственного народа, то, в таком случае, его забота об университете и школе определяется исключительно ощутимой, скоро обнаруживаемой пользой. Университет должен давать средства познания для промышленности и, таким образом, для обучения "квалифицированных рабочих", выполняющих функции во все большем количестве областей современной технической жизни. Тогда в рамках налаживания обучения (*Verschulung*) государство приводит университет к потере его собственных задач и себя самого. Такое государство распорядится в собственных целях средствами немислимого ранее размаха. Но сравнительно скудные средства, выделяемые для свободного от всяких целей изыскания истины, для образования и воспитания способ мышления и в особенности для исторических гуманитарных наук, оказываются еще и растраченными на пустое школьное производство, убивающее дух.

По существу школа и воспитание с центром в университете выращивают людей будущего, которые благодаря своему этосу, своему видению и жизни решают затем вопрос, для чего утверждает себя государство и с его помощью — народ. Лишь в критической ситуации становится очевидным, что стоит защищать, ради чего стоит жить и за что можно свободно умереть.

б) Автономия университета

В ситуации переворота в научных исследованиях и возможностях сохраняется автономия истины.

Эта автономия, однажды учрежденная при церковном, опирающемся на веру порядке истины и регулируемая в крайних случаях решениями церкви, принимает, начиная с конца средневековья, новую форму творческого поиска истины в рамках исследования. С развертыванием современных наук она превращается в борьбу за истину в ситуации множества возможностей. Она не регулируется ни из одного места в мире. С изменением понятия науки обнаруживаются новые виды знания, которые часто противопоставляют себя в качестве нового старому, закрываясь от него, хотя они разве что проталкивают новые пути во всеохватывающем целом возможного познания. В конце концов само это целое методически осознается, но оно никогда не будет достигнуто. Оно становится идеей, ведущей в бесконечность единства всякого знания. Эта идея является принципиально открытой для всех возможностей и вместе с тем — для понимания и, возможно, для обретения забытой истины. Автономия университета означает сегодня его свободу в этом открытом для всех пространстве.

Нельзя путать средневековую автономию, автономию поиска истины, связывающую саму себя обязательствами и живущую в рамках регулируемой связанности (поиска, не знавшего еще современной формы свободы, этого пускающегося в бесконечность мышления), с современной формой связанности теологических "институтов" (отличающихся от теологических факультетов), которые в свободном окружении отменили для себя автономию поиска истины в пользу догматического застытия в рамках голого преподавания. Автономия изменяет свою форму. Она фактически присутствует, хотя и непроявленной, в форме свободы в эпоху средневековья. Однако ее осознание приводит и к ее отвержению. Отдельные церковные области духовно ушли в себя, укрывшись от современного мира. Так, например, свободно дышится при изучении Ансельма Кентерберийского, Николая Кузанского и многих других, но задыхаешься при обращении к современным томистским учебникам.

Автономия истины гарантируется современным свободным, демократическим государством (в Федеративной Германии — Пятой статьей конституции, в которой не только говорится, что: "Искусство и наука, исследования и обучение свободны", но и вообще устанавливается свобода высказывания и прессы: "Цензура не может иметь места"). Такое государство охраняет автономию истины, в том числе и в зависимых от государства университетах.

Что же здесь гарантируется? Кёттген комментирует это так: таким образом не просто объявляется обязательным определенное в содержательном плане понятие науки. "Изменение понятия истины" не изменяет гарантий. Оно совершенно очевидно добавляет к смыслу современной научности то, что "сами права и обязательства науки могут сами себя поставить под вопрос". Государство, гарантируя что-то, полагается на "внутренний самоконтроль партнера". У науки есть к тому же "конституционно-правовая" обязанность самокритики (Кёттген оставляет без ответа вопрос, справляется ли наука в достаточной мере с этой обязанностью).

Государство гарантирует свободу науки, не будучи в состоянии проинтерпретировать понятие науки (точно так же, как оно гарантирует свободу церкви). Кёттген говорит: "Церковь, призванная в отношении к государству выполнять функцию его самопонимания, берет, таким образом, на себя право претендовать на привязанную к письменной форме самоинтерпретацию. Этого права не имеет *corpus academicum*". Это правильно в той мере, в какой университет не является непогрешимой инстанцией, на роль которой успешно притязает церковь внутри круга своих верующих. Место таких догматических утверждений с претензией принимать решение в отношении правильности толкования Священного писания занимает в университете претензия на собственную целостную жизнь в рамках свободного изыскания истины всеми членами университета, сопровождаемая самокритикой, возникающей в результате постоянной дискуссии, организовать которую не может никакая юридически локализованная инстанция. В университете вырабатывается не только то, что осознается насущным в современной науке, но и то, что может быть посредством осмысления в процессе непрекращающегося спора основополагающих сил, прояснение которых может длиться бесконечно долго, приведено к еще большей ясности. То, что такого рода

свобода не может быть ограничена, является претензией автономии. Государство защищает ее в том числе и от церкви, ограничивая последнюю сферой церковных учебных занятий. Свободу университета и свободу церкви нельзя ставить в один ряд как сходные свободы. Предоставляемая церкви свобода обучения является допущением способа мышления, который сам не обладает свободой наук и философии, присущей университету. Из этого следует, что определенность церковного преподавательского авторитета легче понять как содержательную неопределенность свободы исследования и преподавания. Государство предоставляет внешнюю свободу церковному преподаванию, о внутренней свободе которого оно не задается вопросом. Государство предоставляет внешнюю свободу университету, но одновременно требует внутренней свободы научного исследования и мышления истины в университете. Кёттген относит волю к этой свободе к воле государства, придающего себе с помощью конституции правовую форму. И это по праву, поскольку воля государства, в которую университет не вмешивается, должна быть понята как такая, которая желает этой свободы ради истины, которая в неограниченности своего поиска и обнаружения выступает условием для жизни этой самой воли. В таком случае государство тоже превращает свободу в качестве неограниченной самокритики в обязанность. Гарантированная свобода церковного преподавания имеет место только как допущенная государством. Оно не идентифицирует себя с ней. Оно допускает и другие свободы. Истина университета — это по своей сути путь, а истина учения — остановки на этом пути.

Возникает вопрос — в каком пункте может возникнуть конфликт между государством и автономией университета? Что происходит в случае такого конфликта? Что, собственно, гарантируется государством? Что-то такое, что является необходимым в конкретной ситуации столкновения. Кто является решающей инстанцией при таком столкновении?

В ситуации конфликта этими инстанциями по необходимости выступают оба: государство и автономия университета. Автономия университета по существу противостоит государству как жизнь, заключающаяся в поиске истины, радикальность которой характеризуется методами и способом мышления, а также своей непрерывностью, свидетельствует о себе дискуссионным сообществом. Но формально в пространстве, упорядоченном правовым образом, эта жизнь должна обнаруживаться как претензия на автономию корпорации.

Поскольку то, что в своей свободе должно охраняться государством, в целом ускользает от объективации в определенных понятиях, то в ситуации конфликта, в соответствии с его источником и поводом к нему, становится необходимым найти способ аргументации, который оказался бы способным убедительным образом продемонстрировать смысл автономии, которую необходимо защитить.

Если в рамках университета упускается обязанность самокритики, то развиваются такого рода интересы, которые приводят к тому, что кооперируются не лучшие, а на месте собственного поиска истины оказывается замкнутая догматика, на месте же открытого вмешательства и обороны духовными средствами (принимая, что клевета и оскорбления являются исключительно судебным делом) — манипулирование и интри-

ги, которые вызывают косвенные методы, и таким образом государство как гарант свободы должно ради идеи университета вступать в бой против реально пришедшего в состояние запущенности университета.

Если же государство, наоборот, вместе с собственным упадком низводит свою заинтересованность в университете до голой заинтересованности в полезном государственном учреждении, понятийно не схватываемая идея истины будет искажена и обессилена в соответствии с государственными целями, а автономия, насколько она еще будет в рамках университета жива, будет использована для своей собственной обороны. Она будет требоваться в связи с тем, что образование, служащее целям общества и государства, не будет оторвано от способа мышления, имеющего целью подлинный поиск истины. Тот, кто получит образование, должен стать не только правильно функционирующей частью машины, но и человеком, по своей сущности действующим для истины и науки.

Государство и университет преуспевают в том случае, когда они устремлены из их общего истока к общей для них цели. Так как обоим постоянно грозит опасность выродиться в своих составляющих, оба должны сохранять бдительность. Доверие развивается само собой в совместном опыте. Оно не может быть вызвано к жизни безусловным и мгновенным образом.

Университет потерял силу своего духа, даже если эта сила и направляется на самые внешние задачи. Кроме того он теряет свою, от него, больше чем от любого другого института, требуемую мудрость, если он не идет по пути защиты своей автономии и относящегося к ней достоинства, что делает неправдоподобной способность убеждать население посредством излучаемой истиной университета мощи и становиться, таким образом, предметом уважения, почитания для населения, что позволяет народу узнать себя в своем существовании.

в) Юридическое мышление по поводу университета

Юридическое мышление способно создавать формы исходя из возможностей правовых понятий, т. е. понятий об объективной определенности. С их помощью делаются наброски законов, конституций, уставов, которые должны непротиворечивым образом связываться друг с другом и мыслиться юридически непротиворечиво.

Если обстоятельства дела сами содержат нечто неопределенное, а выражение этих неопределенностей — нечто принципиально противоречащее им, в таком случае юридическое мышление становится больше не способным быть господином этого дела.

Юридические формы содержат внешне понятный и в известной мере надежный порядок. Сделать ощутимыми границы этой сферы юридического является задачей самой этой сферы. Эти задачи упускаются, если возникает желание обманчивым путем — посредством таких не-понятий, как “нормативная сила фактов” и тому подобное, — уловить то, чем юридически и с помощью юридических понятий овладеть невозможно.

Университету присущи заложенные в самих вещах противоречия: он является институтом государства и обладает автономией. В качестве первого он зависим от актов государства, в качестве второго — охраняется от его вмешательства и указаний. Отграничение правовой сферы

возможно, поскольку определимы внешние аспекты (которые имеют большие последствия), невозможно же там, где речь идет об автономной жизни самого духа. Здесь спасает только совпадение основных законов существования истины в университете и государстве. На его основе упорядочиваются правовые отношения, которые остаются по своему смыслу и применимости зависимыми от этой высокой совместной инстанции жизни.

Кооперация университета и государства на общей основе требует того, чтобы государство представляли в лице министров культуры и чиновников этого министерства люди, чей дух неотделим от идеи университета. Только таких людей смогут убедить университетские знатоки своего дела, и только они могут взять в свои руки инициативу, направленную против отклонения университета от свободы поиска истины.

Если бы государство для управления университетом находило свое представительство в личностях, которые были бы некомпетентными для этих целей, то университет потребовал бы отстранения этих людей от работы. Университет требует по праву видеть в управлении государством личностей, которые принимали бы участие в совместном истоке и, таким образом, в идее университета благодаря своему характеру, определенному способу мышления и собственному образованию. Только с такими людьми университет может действовать солидарно и предполагать взаимное доверие. Если же ставшее безответственным партийное правительство назначит неквалифицированную личность министром культуры, то университет, соблюдающий свою автономию, не должен молчать, даже если не предусмотрены никакие правовые пути. Он может воспользоваться духовной силой способности убеждать и открыто выражать свое мнение (с точки зрения следующих выборов, которые в связи с этим становятся единственным предметом опасений для опустившихся политиков).

Государство ведет борьбу с помощью насилия (плохо смыслящие партии пользуются от имени народа — на основе результатов выборов — правом неконтролируемого произвольного принятия решений); чем оно лучше, тем больше оно само борется поначалу с помощью силы убеждения. Университет же ведет борьбу исключительно с помощью силы убеждения и в качестве насилия может применять только пассивное сопротивление, забастовки. Но сила духа может быть обретена через публичность, она может призвать народ восстать против насилия и бесправия. В любом случае — это плохой выход, который дает простор игре случая!

Кооперация университета и государства требует далее, чтобы всё, начиная с устава (статута, конституции) университета и кончая всеми его установлениями, такими, как открытие новых кафедр, представительств новых научных сфер, открытие новых институтов, происходило в результате совместных консультаций. Независимо от того, создан ли университетский устав университетом или министерствами, он должен обладать духовной силой и инициативой. Результат в любом случае предполагает одобрение обеих сторон. И так во всем. Только одна вещь: фактический процесс исследования и преподавания находится целиком и полностью в распоряжении отдельных исследователей. Автономия университета означает здесь неограниченную свободу каждого в отдель-

ности. Вмешиваться в нее не позволено ни университету как кооперации, ни тем более государству.

г) Свободное и тоталитарное государство

Университет связан с государством, но университеты возможны не во всяком государстве. Так как университет выступает подтверждением свободы, возможной благодаря истине, то только государство, которое само стремится к свободе и истине и основывается на них, желает существования университета. Потому что только такое государство принципиально идентифицирует себя с духом науки и истины, с идеей университета.

Однако ни такое государство, ни университет не являются нигде в мире целью. И никогда не будут ею. Совершенное осуществление идеи университета невозможно нигде, потому что нигде политическая и персональная свобода не основываются в такой полной мере на истине, чтобы быть уже действительной свободой. Разница заключается в том, находится ли свобода на пути своего осуществления или же путь к ней запущен и закрыт. Говоря иначе, различие состоит в том, хочет ли государство основываться на истине или же оно зависит от не-истины, обмана, фикции (внешний признак этого — государства, которые стремятся к свободе, разрешают неограниченную публичность сообщений и мнений, несвободные, напротив, отрицают публичность, превращают дух в функцию государственной воли, устанавливают против устремлений истины, которая является для них ядом, железные занавесы на своих границах). Там, где стабилизируется тотальное господство, истине не позволено действовать неограниченным образом, так как она разрушит неистинное основание господства и само это господство.

Для тотального господства наука настолько, насколько она пригодна, является средством власти. Она не является моментом истины, которая освобождает. При тотальном господстве иметь место могут только учреждения для выучки квалифицированных рабочих в широком смысле и функционеров.

Институт, носящий название университета, не является таковым исходя только из его названия. В тоталитарном университете могут работать свободно некоторые отдельные специалисты, прежде всего на естественнонаучных и медицинском факультетах. Но такой университет как целое университетом все-таки не является. При этом возникает заблуждение, когда свободные университеты, больше не понимающие самих себя, признают тоталитарные учреждения в качестве таких, которые вместе с ними принадлежат всеохватывающему сообществу духа.

Университет, свободный в свободном государстве, занимает надгосударственное и наднациональное место истины, которая в своей единственно возможной форме для нашего времени (*Zeitdasein*) связывает всех людей не в ситуации единственного, догматического осознания, а в ситуации коммуникации многообразного, посредством не имеющей завершения деятельности. Там, где действует истина, имеет место плюральность духовных сил.

Таким образом, университет, надполитичный и в этом отношении аполитичный, является "политически" настроенным в одном пункте: в качестве поиска истины он несовместим с тотальным господством, в

рамках которого политика в собственном смысле сама заканчивается (ее место занимают манипуляции, которые были отчасти описаны Макиавелли, радикальным образом в индийской Арташастре и господствовали повсюду в мире, за исключением Западной Европы, над человеческими судьбами, и только сегодня, в век техногенной цивилизации, оказались совершенно отброшенными). Поэтому университет был невозможен в государстве при режиме национал-социалистов и исчез во всех прочих тоталитарных государствах. Хотя он вполне уживался с социалистической и коммунистической экономикой, но никак не с тотальным господством. Так как состояние политики, не уживающееся с истиной, не может ужиться и с университетом.

Истина, которой служит университет, имеет большое политическое значение. Оно может появиться вместе с человеком, который посредством истины превращается, каждый день рождаясь заново, в политическое существо в собственном смысле и может стать гражданином, человеком, живущим в сообществе и вместе с ним. Он один способен на основе истины и посредством свободы существовать в мире. Он может связать себя со всеми людьми в совместно взращенных и охраняемых порядках, не подчиняя себя тоталитарному господству. В идее университета, следовательно, заложена задача: постоянно показывать миру лицо этого мира и свое собственное лицо, чтобы фактическая лживость (Unwahrhaftigkeit) и несвобода этого мира, которая впервые возникает на пути к свободе, была выявлена и все снова и снова преодолевалась. Только в том случае, если свободный мир самому себе даст шанс быть правдивым и, таким образом, действительно свободным, он сможет утвердить себя в качестве свободного. Иначе же он подпадет под тотальное господство, которое уничтожит университет вместе с миром. Университет должен охранять возможность политики вообще и вместе с ней предпосылку своего собственного существования с помощью ненасильственного духовного оружия: просвещения, понимания, убеждения и истины.

4. Реформа и возрождение

Университет стал проблемой во всем свободном мире. Все хотят его улучшения.

В начале размышления на эту тему должно возникнуть различие между тем, что можно планомерно организовывать, материально производить, упорядочивать с помощью законов, институционально отстраивать, и тем, что должно предшествовать этому целесообразному строительству в качестве идеи, рождающей из серьезных намерений каждого в отдельности, его решений в пользу истины масштаб для особого планирования.

Это различие указывает на фундаментальный факт: хотя соответствующая реформа высшей школы может быть осуществлена только в реальных условиях государством и обществом, решения должны приниматься изнутри надвременной идеи университета. Реформа отсылает к материальным средствам, но не в меньшей мере — к непланируемой духовной инициативе.

Реформы, осуществляемые с помощью бесконечной, практически произвольной детализации и регламентации без руководства идеей —

ничтожны. Идее невозможно научиться, она возникает в процессе самоосмысления, в отклике на нее, доносящемся из традиции претензии на действие в процессе возрождения.

То, что не может быть сделано, может быть пробуждено. То, что мы взаимодействуем друг с другом, воодушевляет. Мы не должны повторять исторически прошедшее, но осуществлять в настоящий момент вечную идею, которую мы обнаруживаем действенной уже в прошедшем и которая всегда отсылает к будущему.

Предпосылкой реформы университета является возрождение в рамках совместного способа мышления. Она достижима уже в осуществлении идеи силами отдельных ученых и с помощью идейного выражения ее пути в рамках целого самого университета.

Историческая память о правоте идеи, существующей уже длительное время и на все времена, укрепляет сегодняшнюю настроенность. Так как эта идея ни в коем случае, и в особенности в настоящий момент, не устарела, не исчезла, и то, что она никогда не может устареть и может быть вновь осуществлена в новых условиях и в новом обрамлении, является предпосылкой духовного существования.

Из современной действительности идеи возникают масштабы и способность суждения, необходимые для решения вопросов, связанных с университетом. Реформы, которые одновременно не основывают свои мотивы на идее, являются поверхностными, рассеивающими и спутанными.

Только тот, кто несет в себе идею университета, может соответствующим образом мыслить и действовать для университета. Кто — нет, тот видит в университете только предприятие, которое организуется с некой определенной целью и средствами и во всем остальном является делом обычного общества и его норм. Цель кажется ему знакомой: научить таким профессиям, в которых необходимы специальные знания. Профессии выступают для него способами производства наподобие производства и сбыта товаров. Такое предприятие маскируется традиционными риторическими оборотами.

Тот, однако, кто действует исходя из идеи университета, делает это уже тогда, когда занимается научным исследованием, тем, какой смысл он придает своему исследованию, как он обучает, как отражает положение дел в своих сочинениях.

Он делает это в рамках управления университетом исходя из масштаба, который не просто находится в его распоряжении в рациональной форме, но, как дух, как устремленный к духу, хочет с его помощью организовывать все процессы в университете.

Этот дух является источником, из которого постоянно происходит возрождение. Это идея университета, которая обретает мощь, когда она проявляется во взаимодействии ученых и исследователей. Ее осознание — это не столько знание чего-то, сколько — придание жизни действительности (у нее на службе).

Одно кажется несомненным: великая реформа немецкой сущности университета состоит как возрождение или гибель, как духовное движение или же в форме внешнего бюрократического порядка, фактически все дальше разрастающегося внутреннего хаоса. С помощью образования работников, предназначенных для целей, в целом опровергающих

самих себя, для технического массового общества, привязанного исключительно к частным целям, задача университета не будет выполнена. Ограниченность такими целями не даст исполнить по истине сами эти цели. Вместе с университетом ослабеют общество и государство.

И никакие финансовые средства не помогут, если не будет духовных предпосылок и воли, способствующих всякой отдельной деятельности служить истине в целом и осуществлять ее, исходя из идеи университета. Отсюда — реформа университета имеет две задачи.

5. Две задачи реформы университета

Построение, организация институтов, семинаров, библиотек. Увеличение преподавательских мест, забота о студентах, чтобы они могли свободно и всеми силами отдаваться своей учебе — это и другое суть материальные вопросы, которые могут быть решены с помощью предоставления необходимых для этого денег. Еще раз можно указать на то, какие огромные средства требуются, так как речь идет о существе преподавания в целом.

Для будущего немецкого народа воспитание и преподавание важны не менее вермахта. Так как плохая организация воспитания обнаруживает свои губительные последствия только по истечении нескольких десятилетий, а в настоящий момент существование людей зависимо от того, удастся ли сохранить находящийся под угрозой насилия мир, то политики, парламентарии и правительства интересуются в гораздо меньшей мере существом образования, нежели вермахтом. Но и то и другое превосходит, исходя из сиюминутной важности, социальная политика, которая стремится принести немедленно ощутимые выгоды всем гражданам всех групп, от удовлетворения которых зависят голоса избирателей. Забота о существе воспитания в целом отступает на задний план. То, что является важнейшим для будущего духовно-морального уровня нашего народа, в настоящий момент выступает наименее неотложным для политиков.

Предположим, что благодаря пронизательности государственных деятелей государственные средства будут предоставлены в достаточном размере, таким образом будут созданы необходимые условия, но не будет выполнена сама работа. Предоставить эти средства — это дело государства, но все зависит от того, как эти средства будут использованы. Решающим образом сама университетская реформа может быть инициирована только университетскими мужами.

Здесь, однако, речь идет о двух задачах: *первая* — это планирование необходимых построения и организации, подразделение притока масс в обозримые группы, распределение задач между профессорами, доцентами и ассистентами, преобразование организации, утверждение прав, в соответствии с которыми организация получит юридическую форму, и многое другое; *второе* — возвращение силы идее университета, которая оказалась в положении чуть ли не вымирания. Две эти задачи не являются рядоположенными, а скорее идея университета нуждается в руководстве, если речь действительно идет о реформе университета в новой ситуации, а не о завершении и организации системы выучки (Verschulung), при которой, несмотря на сохранение названия университета, сам университет погибнет.

Любое размышление об изменении, например, конституции, форм самоорганизации, об изменении институтских прав, типов преподавания, самих занятий и т. д. должно иметь явные цели, однако же освещать и всеохватывающую критику и обоснование, которые указывают путь к осуществлению самой духовной жизни, к осуществлению порождения нового (Hervorbringens) во взаимодействии исследования и обучения. Обе эти задачи могут быть выполнены не одна за другой, а только одновременно. При этом первая выполняет роль стороны, способной разработать и создать средства, необходимые для достижения цели, вторая же характеризуется тем, что никакие создание и планирование не могут ее реализовать, а достигнута она может быть только за счет существования отдельных исследователей, преподавателей, студентов, в которых живет идея. Процесс организации может только дать шансы для этого единственно существенного, но не создать его. Ведомая идеей университета организация будет всегда иметь в виду эти шансы и ни при каких условиях не станет их умахать, а будет только им повсюду способствовать.

“Двуликость” реформы университета означает: обе эти задачи неотделимы, с одной стороны, от внешней организации и обеспечения университета, с другой стороны, от внутреннего изменения способа мышления, необходимого для возрождения идеи университета в новой форме. Голая реализация обеспечения массы учебными занятиями не будет иметь смысла, голая спекуляция идеей станет ирреальной фантазмагорией. Как будет соотноситься то и другое, определит духовная мотивация ощутимых мероприятий, решающая для судьбы университета.

Аристократия духа, вырастающая из всех слоев народа, существенным образом укорененная в этосе, в изнуряющей страсти духа каждого в отдельности, в одаренности, является во все времена меньшинством. Идея университета нацелена на меньшинство. Все это будет идти на благо, если нормы будут исходить из этой изначальной силы духа, если сами люди средних способностей увидят свою ценность с точки зрения взгляда на высокое и с точки зрения просвещения.

Но поскольку аристократия может быть признана только демократическим путем, а не определяется исключительно своими претензиями, университет связан с образом мыслей всех сразу: студентов и доцентов. То, что открытие чего-то выдающегося поощряется, признается и оказывает свое воздействие только в свершениях и определенных личностях, является условием жизни университета.

Перевод О. Шпагаги выполнен по изданию:

Jaspers K. Die Idee der Universität.

Berlin, Göttingen, Heidelberg, 1961. S. 1-6, 10-14, 25-39.